

Х Р О Н И К

ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ РУССКОГО НАСЕЛЕНИЯ ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ

(Предварительное сообщение о работе этнографических отрядов Ангарской экспедиции АН СССР в 1957 г.)

Летом 1957 г. в составе руководимой А. П. Окладниковым Ангарской археологической экспедиции Института истории материальной культуры АН СССР работали два этнографических отряда, организованных Институтом этнографии АН СССР. Основной задачей этих отрядов было изучение материальной культуры русского населения Приангарья. Этнографическому изучению Сибири до настоящего времени уделялось недостаточно внимания. Неполнота этнографических данных о русских Сибири сказалась особенно остро в последние годы, когда в связи с разворачиванием грандиозных работ по освоению природных богатств этого края потребовались подробные сведения о культуре и быте его населения.

Недостаточной изученностью этнографии русского населения Сибири объясняется и исключение территории Сибири из Русского историко-этнографического атласа, подготовленного к печати Институтом этнографии АН СССР. Атлас охватывает пока территорию Европейской части СССР. Работа в Ангарской экспедиции дала этнографам возможность собрать для Атласа материалы по истории и быту местного русского населения.

Выбор Приангарья для этнографической рекогносцировки был вызван в первую очередь необходимостью изучить и зафиксировать памятники материальной культуры в зоне будущего затопления, связанного со строительством Братской ГЭС.

Работа этнографов проводилась двумя отрядами¹. Первый из них обследовал правобережье Ангары от с. Олонки до д. Бутаково Усть-Удинского района (Кировский, Боханский, Балаганский, Усть-Удинский районы), бассейн левого притока Ангары — р. Оки с ее притоком Ией (Тангуйский и Братский районы) и несколько селений, расположенных по Московскому тракту. Кроме русских селений, работа проводилась в бурятском селении Халюты Балаганского района — всего 35 селений. Второй отряд обследовал главным образом среднее Приангарье от с. Усть-Вихорево до д. Громы (Братский район) и посетил несколько селений на Илеме (Нижне-Илимский район) — всего 23 селения (см. карту, рис. 1).

Русское население этой территории очень сложно по своему составу. Кроме старожильского населения, которое обосновалось здесь в XVII—XIX вв., имеются и более поздние переселенцы — «новоселы». Иногда новоселы составляют компактную группу, занимая конец деревни, либо улицу², либо деревню целиком. Такие селения встречаются по Ие и Оке; они возникли в начале XX в.; жители их — переселенцы из разных губерний, не только русские, но и украинцы и белорусы. Так, например, в с. Допчур (около с. Бада на р. Ие) живут переселенцы из Житомирской, Черниговской, Витебской и других губерний. Поздняя волна переселенцев отмечается и в селениях по Московскому тракту; переселения сюда происходили большей частью во второй половине и в конце XIX в., на памяти живущего поколения. Существенным фактором в жизни русского населения было постоянное просачивание сюда пришедших людей —

¹ Первый отряд работал в следующем составе: научные сотрудники Г. С. Маслова (руководитель отряда), Н. И. Лебедева, О. В. Пчелина, архитектор Н. И. Жемчужникова, художница О. П. Богоявленская, фотограф Д. В. Бородин; второй отряд — научные сотрудники Л. М. Сабурова (руководитель отряда), В. А. Горелов, студент В. М. Бекетов, архитектор В. Г. Демьянов, художница Е. Н. Александрова, фотограф Д. В. Бородин.

² Так, например, в с. Илере на Кордойской (б. Самоходской) улице живут переселенцы из Псковской губернии; в деревне Харюзовка одна из улиц называется «Воронежский конец».

ссылных, особенно через Александровский централ — царскую каторжную тюрьму, расположенную в 15 км от с. Олонки на Ангаре. Отбыв каторгу и перейдя на «вечное поселение», ссыльно-поселенцы часто входили в семьи старожилов в качестве зятьев (обычай примачества был здесь широко распространен).

Приток населения в Приангарье из разных мест СССР продолжается до настоящего времени, особенно усилившийся в связи со строительством ГЭС. Возникли новые селения: леспромхозы, рабочие поселки, поселки МТС и т. д. Местами русские живут в непосредственной близости с бурятами. Есть смешанные русско-бурятские колхозы (в Боханском и Балаганском районах); во многих селениях есть литовские семьи; местами по Московскому тракту живут татары.

Сложность этнографического состава населения Приангарья требовала внимательного изучения каждого селения, истории его основания, выделения в нем старожильского ядра и более поздних групп. Основное внимание мы сосредоточили на старых селениях, известных уже в XVII, частью в XVIII в. Состав населения во многих из них сейчас коренным образом изменился. Так, например, в старинном селе Казачье на Ангаре (Боханского района) почти не осталось старожилов. Многие жители села разъехались по городам, перешли на работу в промышленности; наряду с этим прибыли новые люди в связи с организацией здесь МТС. Село стало во многом походить на рабочий поселок.

Собранные исторические сведения и предания о возникновении селений дают ценный материал для этнической истории края.

В Приангарье население хранит предания и легенды об аборигенах края. В селениях по правому берегу Ангары распространена легенда о «черных» и «белых» людях; появление «белых» легенда связывает с распространением белой березы: «Пошел березняк — пришли белые люди, а черные люди подались в тайгу». В некоторых селениях (Пономарево, Буреть, Харюзовка) «черные люди» легенд — это монголы, в других — буряты (в степной полосе — Балаганский, Боханский районы), а в таежных селениях (например, Дальняя Муя, Усть-Удинского района) — тунгусы.

Указывают места прежних «избищ», могил, шаманских мольбищ, которые оставило после себя древнее население края. В ряде случаев в преданиях очень четко отличаются тунгусов от бурят, бурят — от монголов, в других — нет ясного представления об этнической принадлежности живших здесь ранее людей. Очень интересно, что в некоторых чисто русских селениях есть семьи, помнящие свое происхождение «из ясадного рода», т. е. от местного населения, обогатившегося ясаком. Целые деревни носят название Ясашных (так, наряду с д. Харюзовкой, есть деревня Ясашная Харюзовка). По всей вероятности, они возникли в результате приселения русских к ясачным бурятским или тунгусским семьям и обрусения последних. В этих селениях указывают на семьи бурятского (Ясашная Харюзовка, Шаманово, Большая Када, Долоново и др.), тунгусского (Дальняя Муя, Ключи-Булак и многие селения на севере Братского района) и даже монгольского (семья Иноземцевых в Харюзовке) происхождения.

Для потомков «ясашных» семей характерна фамилия Поповых (Ключи-Булак, Долоново, Олонки, Пономарево, Ясашная Харюзовка). Жители объясняют это тем, что такую фамилию давали крещеным из «ясашных». Семьи аналогичного происхождения были во всех старых селениях по Ие и Оке. Действительное значение термина «ясашный» старожилами уже забыто; они называют «ясашными» тех, кого не брали на военную службу. Встречается и правильное объяснение, заимствованное из книг.

По воспоминаниям, иногда первыми русскими поселенцами — основателями селения были ссыльные или беглые люди; в таких случаях название селения происходит от их фамилий. Встречаются воспоминания о казаках (т. е. служилых людях), основавших селение (например, Казачье и другие). О потомках служилых людей в составе русских селений свидетельствует наличие фамилии Беломестных (в Большой Каде и Большеокинском Братского района). Беломестными людьми в Русском государстве XVII в. называли служилых людей, не обогатившихся податью. В ряде случаев рассказывают о русских крестьянах как основателях селения. Очень интересно сохранение в топонимике колхозных пашен (в деревнях Евсеево, Середкино, Донская Боханского района) названия «Государева пашня», что является несомненным доказательством наличия здесь старого населения XVII—XVIII вв. — «пашенных крестьян».

Топонимика дает большой материал для дальнейших выводов. Названия падей, ручьев, охотничьих угодий — большей частью нерусские; названия пашен — преимущественно русские.

Наиболее старые русские селения расположены по большим речным магистралям, часто у устья притоков, у самой воды. Характерно расселение по «падам» (впадинам между холмами), представлявшим удобные места для жительства: селения здесь защищены сопками от ветров с северной и восточной сторон. Многие старые селения расположены на островах среднего Приангарья. Селения обычно сравнительно небольшие — в несколько десятков дворов, но есть и более крупные — в триста и более дворов (Шаманово, Олонки).

Характерным для сибирской деревни в прошлом было окружение ее заимками. Заимки, как выяснено Н. И. Лебедевой, были нескольких видов: 1) заимка-пашня с временным жильем, куда переселялись на период сельскохозяйственных работ; 2) заимка-поселок, возникшая на пашенной земле, которую занимали отделившиеся от семей сыновья; иногда такая заимка называлась «братчиной»; жившие там родст-

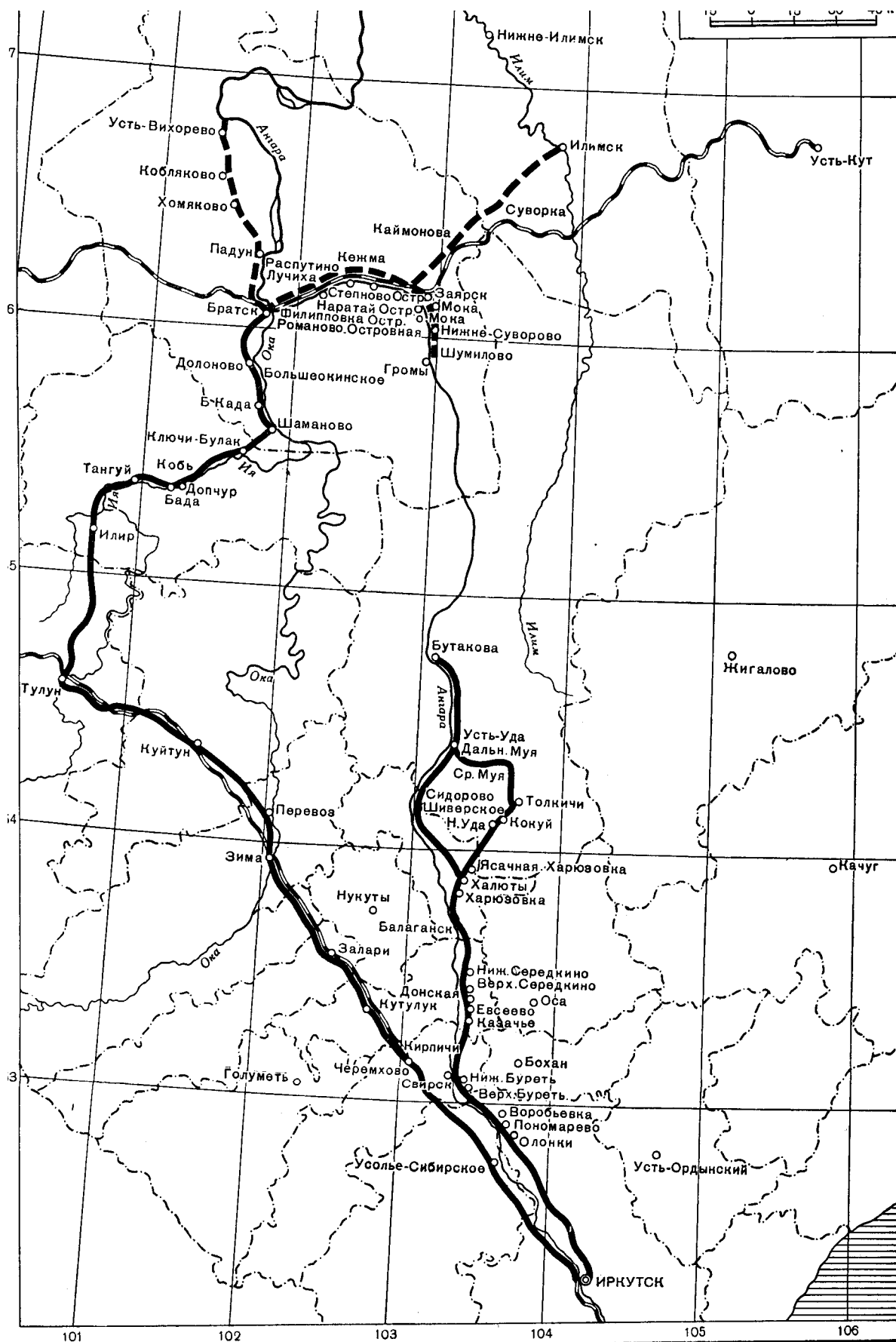

Рис. 1. Маршруты этнографических отрядов Ангарской экспедиции 1957 г.: I — первого отряда; II — второго отряда

венные семьи были связаны взаимопомощью; 3) поселок, куда, кроме выходцев из деревни, приселились семьи, не связанные с ней; 4) заимка новоселов, переселенных в начале XX в. по столыпинскому закону о хуторах. Среди заимок были однодворки и малодворки, которые в настоящее время исчезли. Заимки теперь большей частью — многодворные селения, иногда с очень разнообразным составом жителей, сохраняющие только название «заимка». Деревни с окружающими их бывшими заимками теперь входят, как правило, в один колхоз. Жители каждого входящего в него отдельного селения составляют колхозную бригаду.

Нами подробно изучалось сельское хозяйство прошлого времени, а также и современное.

Первые пришельцы, преимущественно северновеликорусы, жившие на родине в сходных с Сибирью природных и климатических условиях, смогли в сравнительно короткий срок освоить новые места и соответственно перестроить свое хозяйство. Они сохранили на новом месте земледельческо-промысловое направление хозяйства, значительно развив рыболовство и охоту вследствие благоприятных условий. Земледелие осталось основным занятием, но способы его ведения были изменены.

Учитывая условия местности (тайга, гористость, наличие подзола), русские стали вести хозяйство заимками на небольших участках в пределах узкой полосы долины рек, на островах, а также на отвоєванных у тайги под пашню клочках земли. Преобладал двухпольный севооборот. Характерна тщательная обработка полей: трехкратная вспашка, боронование «в крест» и пр. Пашня являлась неотъемлемой собственностью каждой крестьянской семьи, а покосы, выгоны, лес нередко находились в общем владении селения.

Основным орудием обработки почвы была соха-рогальюха, которую Д. К. Зеленин считает видоизмененной и приспособленной к местным почвам сохой «с брылой», широко известной в северо-восточных губерниях России. Ее развитие шло по линии усовершенствования рабочей части: два сошника были заменены одним. Применяли разнообразные отвалы в зависимости от характера почвы (доска-шебала, крыло, железный полумесяц и пр.). В некоторых местах отвал применяли лишь при подъеме новых земель, а обычно пахали без него, не переворачивая пласта. Применяли и колесуху, но не везде, так как в ряде мест почвенный слой был тонок. В XX в. повсеместно распространилась железная соха-«пермячка».

Вязаная («витая») борона к концу XIX в. повсюду была заменена деревянной бороной с железными зубьями.

Основными культурами здесь были: рожь, овес, ячмень, ярица (яровая рожь), сеяли также горох, иногда гречу. Почти повсеместно возделывали коноплю, а на севере и лен. В конце XIX в. большое распространение получила пшеница.

Следует отметить, что сельское хозяйство старожилов и новоселов имело в ряде случаев довольно существенные различия. У старожилов преобладали двухполье и перелог («однополка»), у новоселов — трехполье. Новоселы приносили с собой сохи и железные плуги. Они иногда выращивали такие культуры (например, свеклу), которых старожилы не признавали. Псковские и другие новоселы сеяли лен, тогда как у старожильского населения обследованной территории в XIX—XX вв. основной технической культурой была конопля. Однако в некоторых старожильческих селениях сохранилось воспоминание о том, что вплоть до конца XIX в. здесь выращивали лен для выделки холста (селения по р. Оке, средней Ангаре, заимка Донская Боханского района).

Очень своеобразно огородничество. Русские сибиряки сумели приспособиться к суровым природным условиям, устраивая особые паровые грядки для огурцов, арбузов и дынь. Это начали практиковать уже с 60-х гг. прошлого столетия. Помидоры здесь распространились лишь после Октябрьской революции. Огородничество развито близ городов; во многих колхозах созданы большие тепличные хозяйства.

Животноводство — очень существенная часть сельского хозяйства Приангарья. Характерной чертой его в прошлом является пастьба скота без пастуха на покотине — огороженном вокруг деревни выгоне площадью в несколько кв. км. В ряде селений раньше практиковался отгон скота на все лето на пастбище, куда с ним уезжала часть крестьянской семьи. Теперь пастьба колхозного стада ведется пастухом, причем по-новому — на лошади, поэтому покотина потеряла прежнее значение.

Если в Приангарье преобладало земледелие, то в деревнях Каймонове Братского района, Суворке и Илимске Нижне-Илимского района, расположенных на Ленском тракте, направление хозяйства в прошлом было промыслово-земледельческим. Основной доход местное население получало от постоя жителей Приангарья, возивших хлеб на Лену. Поэтому здесь старались накопить как можно больше сена для прокорма лошадей постояльцев. Сенокосы находились в личной собственности (каждый сам рассчитывал для себя сенокос) и переделам не подлежали. В этом районе значительно больше, чем в других, были развиты охота, а также извоз.

Климат и почвы в Каймонове и Суворке не способствовали занятию земледелием, оно было развито здесь очень слабо. В Илимске имелись условия для развития земледелия, но земли, пригодной для возделывания, было мало. Только 10 дворов из 90 владели хорошими землями. Здесь выращивали много табака (по 100 ниток — 200 сажень), который продавали и меняли на хлеб. Хлеб жители этой местности закупали на Оке или Ангаре зимой, после сдачи пушнины.

Население Нижне-Илимского района являлось одним из резервуаров рабочей силы для чугунолитейных заводов Братского района (Николаевского, Лучихинского).

В настоящее время направление хозяйства в колхозах Приангарья — зерновое и животноводческое. Среди колхозов обследованной территории есть очень крупные, в пользовании которых находится до 17—26 тыс. га земли. Наиболее крупные из них расположены в низовьях р. Оки. Колхозы полностью механизированы. Основная система полеводства — многополье (не всегда выдерживаемое из-за разбросанности участков). Ведущей культурой является пшеница, почти полностью вытеснившая рожь. Так, например, в колхозе «Красный Октябрь» (с. Большеокинское Братского района) при посевах пшеницы на площади 814 га рожь высевается только на 10 га (данные на 1956 г.).

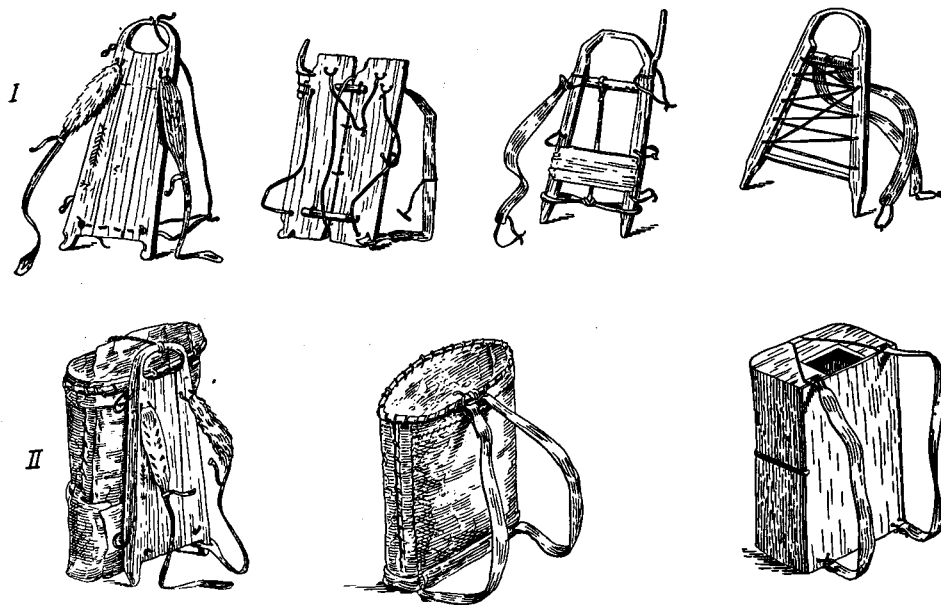

Рис. 2. Приспособления, используемые охотниками для переноски тяжестей: I — носилки «жучера»; II — «турсуки», берестяные (два слева) и фанерный (справа) для дичи и ягод

Рис. В. Г. Демьянова

С постройкой Братской ГЭС предстоит освоение новых площадей под сельскохозяйственные угодья. В связи с превращением района в крупный промышленный центр предполагается придать сельскому хозяйству зерново-картофельно-овощное направление в сочетании с молочно-мясным животноводством, и имеющиеся традиционные навыки местного населения окажутся полезными при такой перестройке хозяйства.

Охота и рыболовство — древнейшие занятия местного населения, издавна известные и русским переселенцам. Эти занятия особенно характерны для старожильческого населения на Ие, Оке и в более северной части обследованной территории. Для новоселов эти промыслы нетипичны. Среди разнообразных способов и орудий охоты и рыболовства немало широко распространенных общерусских (невода, сети — плавные и ставные, разнообразные ловушки — морды, верши и др.). Но есть и менее известные орудия и приемы. Для ловли ценных пород рыбы в промышленных целях применяют «самоловы» (на Оке и Ангаре под Братском и в устье р. Вихоревки). Самоловы состоят из крючков и так называемых бурболок («бакулок»), сделанных из ливневичной коры; подплывая к бурболкам, рыба попадает на крючок. Некоторые рыбаки называют бурболки «рыбками». Н. И. Лебедева считает бурболки генетически связанными с находимыми в неолитических стоянках рыбками, вырезанными из кости. Своеобразна наживка из пучка шерстяных ниток. Оба указанных способа лова известны и эвенкам. Среди старых способов охоты также имеются приемы, встречающиеся и у эвенков (маскировка при облаве на косуль — надевание косульей дохи, употребление манков для подражания крику животных и птиц). Существенную часть охотничьего снаряжения (кроме ружья и иногда самолетов) составляют разнообразные наспинные носилки или «жучера», а также «турсуки» — коробка для переноски охотниками добычи (рис. 2), ручные нарточки (рис. 3) для перевозки тяжестей и лыжи — «голицы» и «подволоки», т. е. подбитые камусами (рис. 3). Последние нередко покупали у эвенков, но теперь изготавливают сами.

До настоящего времени практикуется поимка молодых лесных животных (косуль, иногда медвежат) и выращивание их во дворе, после чего их убивают для нужд хозяйства или для продажи.

Экспедиция изучала и другие промыслы и ремесла: гончарство, кузнечное и бондарное дело, изготовление экипажей, колес, дуг, смолокурение, гонку дегтя, углежжение, обработку овчины и кожи, битье шерсти, катание валенок, сучение веревок, прядение и ткачество. Подробное изучение состояния этих промыслов привело нас к выводу, что в обследованных селениях ни теперь, ни раньше не было крупных очагов кустарной промышленности. Преобладали домашние промыслы и ремесла по изготовлению необходимых предметов обихода. Многие работы выполнялись не старожилыми, а ново-прибывшими «российскими» ссыльными, переселенцами, бродячими мастерами. Особое внимание было уделено нами изучению гончарства. Поиски старых гнезд гончарного производства в Приангарье не дали результатов. Гончарством занимались приезжие, производство возникало и исчезало. В настоящее время гончарством (в трех изученных пунктах — Усолье, Черемхово и Тулун) занимаются приезжие украинцы и белорусы, пользующиеся ножным гончарным кругом и вытяжной техникой изготовления посуды. По-видимому, вследствие пестрого этнографического состава гончаров в XIX—XX вв. керамическая посуда Приангарья очень разнообразна по своим типам: наряду с низкими кринками северновеликорусского типа бытуют и южновеликорусские кринки-горланы, и украинские формы и названия посуды (макитра и др.).

Одной из задач нашей экспедиции было изучение жилых и хозяйственных построек сельского населения. Русские постройки Приангарья, имея много общего с постройками русского населения Европейской части РСФСР (особенно Севера и Приуралья), отличаются в то же время ярко выраженной спецификой.

Рис. 3. Охотничьи лыжи-«подволоки» и ручная нарта (Братский район).

Избу (как это было и раньше) строят обязательно с подпольем — низким, средним или высоким. Наибольшее распространение со второй половины XIX в. получило здесь двухкамерное жилище. Но наиболее старый тип — дом «связью», т. е. изба — сени — горница (рис. 4, 5, 6), был распространен прежде повсюду; в верховьях Ангары к этому типу относятся постройки 100-летней и большей давности; по среднему течению Ангары, по Оке встречаются и менее старые постройки этого типа. Удалось установить, что постройкам этого типа предшествовали еще более старые: изба — сени — клеть, но помнят о них уже в немногих местах. Такие постройки связаны, по-видимому, с большой семьей, что подтверждается как сообщениями информаторов, так и тем, что сохранность изб «связью» значительно лучше, чем в тех районах, где дольше держались большие семьи (Усть-Удинский, Братский районы). Пятистенки распространяются в Приангарье сравнительно поздно, в самом конце XIX, а еще больше — в начале XX в., притом у более зажиточных хозяев.

Преобладает северновеликорусская планировка избы в двух вариантах: с печью в углу и с печью, отодвинутой от стены (см. рис. 5а и 6а); в последнем случае образуется «запечье», где устраивают вход в подполье (рис. 6б), что характерно и для жилищ Европейского Севера. Такие варианты планировки могут быть связаны с двумя основными группами в составе старожилых — выходцев из северных и средних областей России. Особенность внутренней отделки восточносибирских изб — роспись заборов, иногда стен, «опешницы» (доски у печи), реже — брусьев и потолка. Роспись не отличается тем богатством красок и мастерством, которыми характеризуется роспись жилищ Западной Сибири. Здесь изображаются простейшие цветочные мотивы, часто жанровые сцены, животные. Наиболее старая роспись относится к 80-м гг. XIX в. Сохранились фамилии некоторых мастеров. Это были большей частью приехавшие люди — ссыльные, «российские», бродившие по деревням и не всегда, видимо, являвшиеся профессионалами.

Местной особенностью является побелка стен и потолка известью (белят несколько раз в год). Такой обычай появился сравнительно недавно (в конце XIX — начале XX в.), но распространился широко и, по-видимому, не без влияния украинцев.

Характерно устройство очага или печи во дворе на открытом воздухе для приготовления пищи летом. Если устройство очага с таганом или подвесным котлом на заимках, промыслах являлось старой местной традицией, то устройство летних пе-

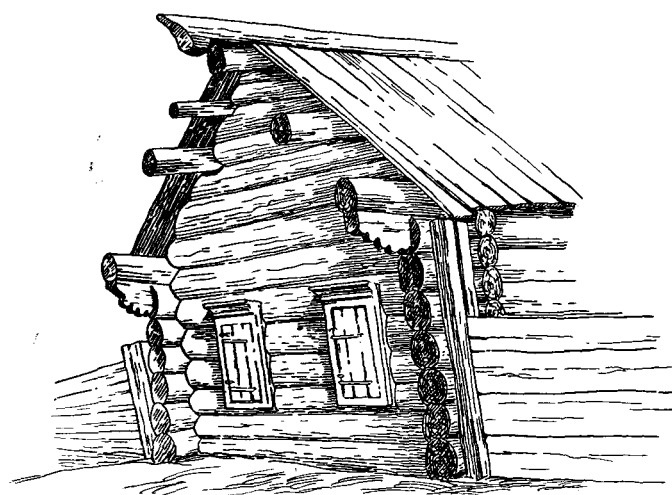
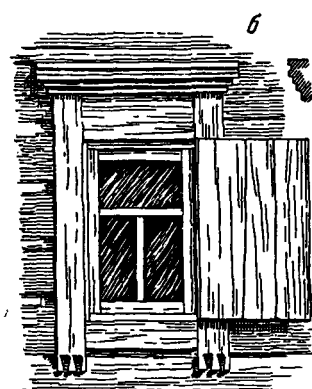

Рис. 4. Старинный дом, построенный более 100 лет назад,
с. Шиверское Усть-Удинского района

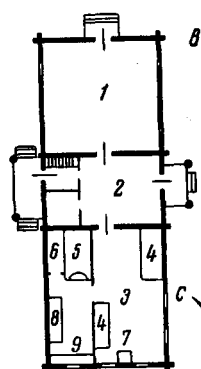
Рис. Н. И. Жемчужниковой

Улица

см 20 0 20 40 см

см 100 0 1 2 3 м

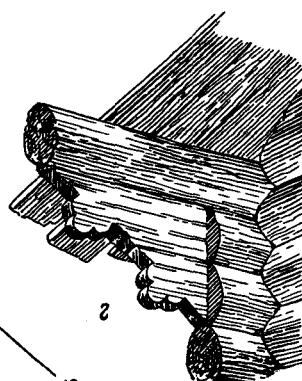

Рис 5. Старинный дом «связью», д. Громы Братского района: а — внешний вид; б — наличники окна задней избы; в — план: 1 — передняя изба (ныне занята под магазин), 2 — сени, 3 — задняя изба, 4 — кровать, 5 — печь, 6 — голбец, 7 — стол, 8 — курятник, 9 — лавка; г — повал

Рис. В. Г. Демьянова

чей во дворе началось в сравнительно недавнее время (50—60 лет тому назад), возможно, также под влиянием выходцев с Украины.

Двор и хозяйственные постройки сибиряков представляют своеобразный комплекс (рис. 7). Тип двора генетически восходит, по-видимому, к покоеобразной застройке,

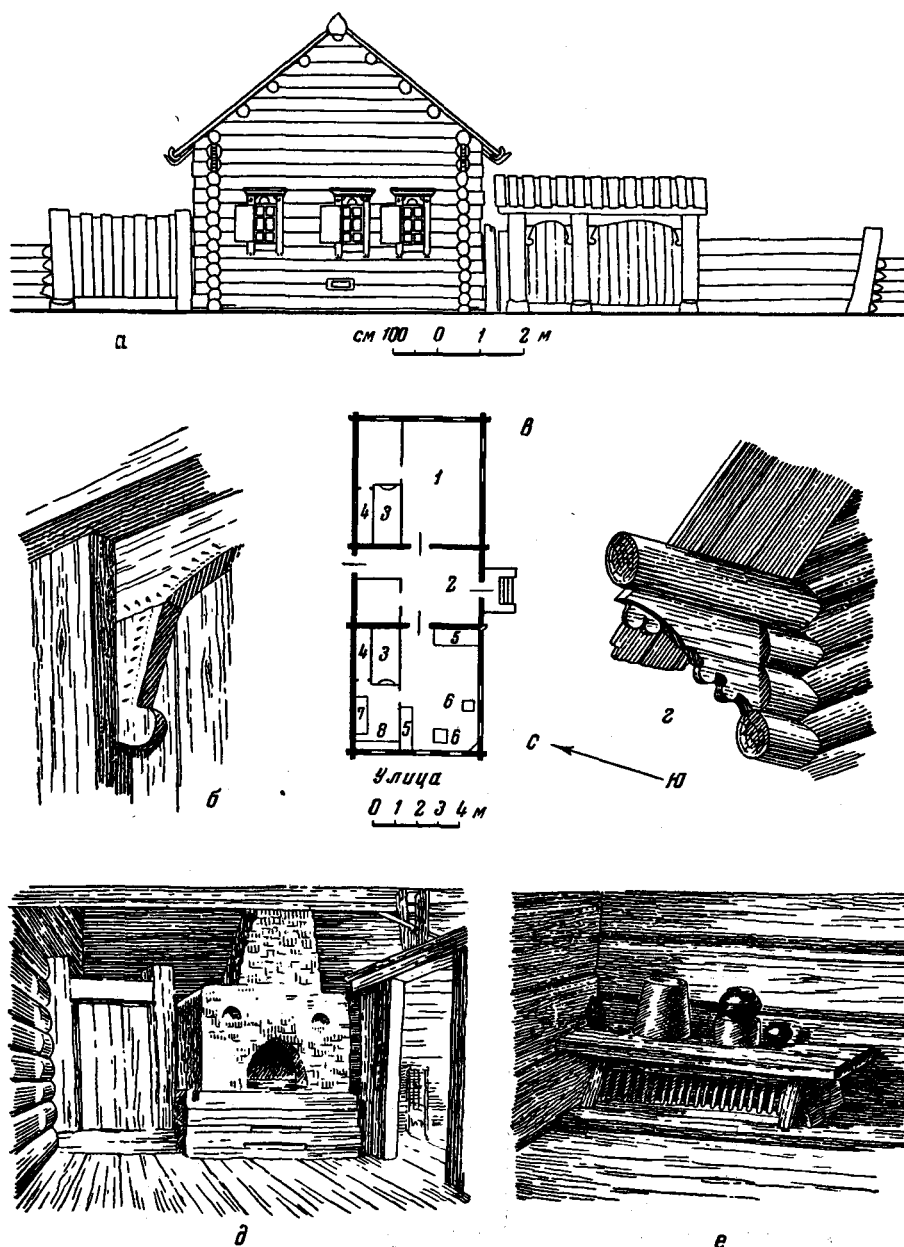
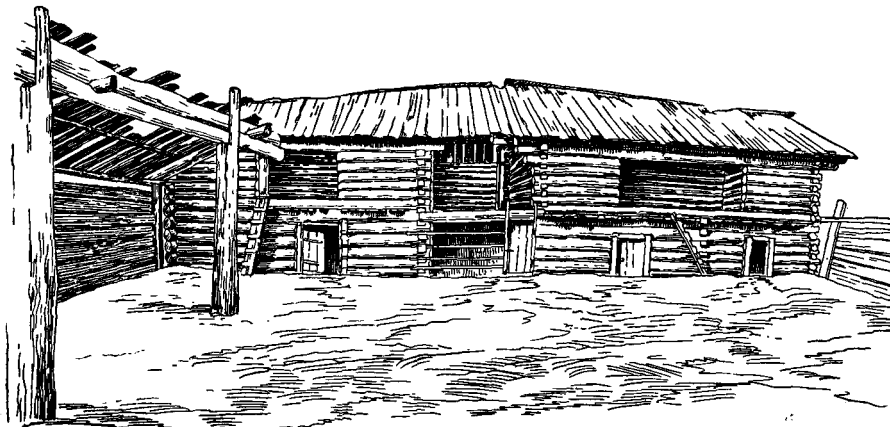

Рис. 6. Дом И. И. Ведерникова, д. Нижнее Суворово Братского района: а — фасад; б — деталь ворот; в — план: 1 — жилая изба, 2 — сени, 3 — печь, 4 — голбец, 5 — кровать, 6 — стол, 7 — залавок, 8 — лавка; г — повал; д — печь с голбцем; е — залавок

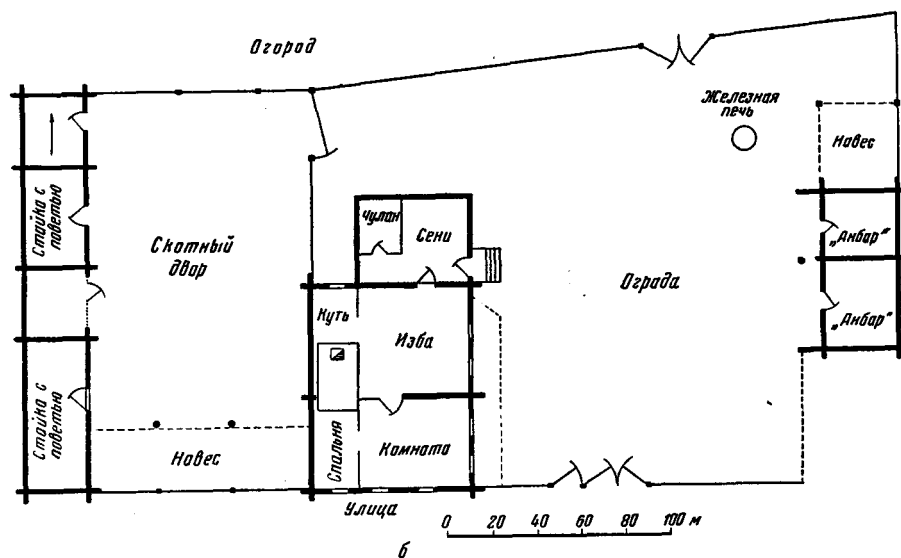
Рис. В. Г. Демьянова

но позже приобрел существенные особенности. Сейчас надворные постройки обычно разобщены одна от другой; и в верховьях Ангары, и в селениях по Московскому тракту они лишь в редких случаях составляют непрерывную цепь строений и навесов, расположенных по периметру двора. На средней Ангаре прежний порядок расположения построек сохраняется. Двор обязательно делится на две части: «ограду» (чистую половину) и скотный двор, большей частью расположенные по обе стороны избы (рис. 76).

Кроме характерных сибирских двухэтажных «поветей» или «стоек» (помещений для скота, рис. 7а), имеется много открытых загонов. Дворы очень обширны. Это было обусловлено значительным количеством скота в крестьянском хозяйстве (большим, чем в хозяйстве крестьян центральных областей). Особенно много скота (лошадей) было у хозяев, занимавшихся ямщиной, что было очень распространено в селениях

а

б

Рис. 7. Усадьба Подкорытовых, д. Кокуй Усть-Удинского района: а — часть скотного двора со «стойками», б — план усадьбы

Рис. Н. И. Жемчужниковой

по Ангаре. Здесь наблюдалось резкое классовое расслоение. Наряду со значительной прослойкой кулацких хозяйств имелись безлошадные и бескоровные хозяйства, дворовые постройки которых были и размерами, и числом значительно меньше. В настоящее время заметна тенденция к сокращению площади под двором для расширения огорода. Следует отметить, что размер приусадебного участка у колхозников-сибиряков довольно значителен: от 50 до 80 сотых гектара.

Мы собирали также сведения о разнообразных временных постройках, которые раньше были широко распространены и частично применяются и сейчас. На заимках и промыслах ставили зимовье — небольшой сруб под односкатной или двускатной крышей, с одним окном, печью-каменкой, в дальнейшем замененной железной печкой. Иногда на заимках ставили артельное зимовье на три-четыре семьи. На севере Братского района нередко строили «юрту» — высокое коническое сооружение из жердей, крытое лубом, лиственничной корой, с очагом внутри и пологом вместо двери. Встре-

чались и рубленые юрты. Распространены были и шалаши, которые строили «круглой юртой», т. е. коническими, и покрывали травой.

При больших артелях на покосе устраивали балаган — шалаш на два ската. Для этого вбивали две сошки с развилками, на них укрепляли поперечную жердь, к ней приставляли ветки и сверху накладывали сырую кору молодой лиственницы в расправленном виде. Название «балаган» применялось и для обозначения конических шалашей.

В комплекс хозяйственных построек входит «анбар» (амбар); в старину амбары часто строили двухэтажными (рис. 8) или три — четыре амбара объединяли под одной крышей; к числу хозяйственных построек относятся также погребница, баня и другие строения. В прошлом повсюду имелись хлебосушилки. Бытовали ямные овины без печи, с костром в яме. В двух деревнях (Мока, Громы) старики сами видели овины, в остальных — лишь слышали об их существовании, и название «овин» в обиходе известно

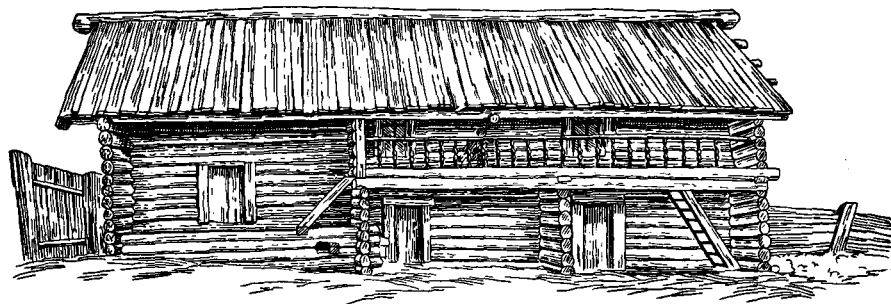

Рис. 8. Старинный двухэтажный амбар, д. Нижнее Суворово Братского района

Рис. В. Г. Демьянова

теперь лишь как мера для снопов (240 пшеничных снопов). Овины были заменены ригами, односадными и двухсадными (рис. 9), существующими в некоторых колхозах на севере Братского района и сейчас. Особенно любопытна двухсадная рига, состоящая из трех помещений: центрального, где находится печь, и двух других — для сушки снопов.

Мельницы были водяные — мутовки и колесчатые. Интересны мельницы-ледянки — временные водяные мельницы, ставившиеся в проруби на время ледостава, особенно по Ангаре и Илимю.

Мы изучали общественные здания, современные и старинные. Сельские общественные здания — школы, клубы, дома культуры, правления колхозов и пр. — представляют собою либо двух- или трехэтажные строения (как, например, школы-десятилетки в селах Олонки, Новая Уда и др.), либо, что гораздо чаще, — одноэтажные, рубленые в лапу дома-пятистенки (или более сложные соединения нескольких пятистенков) с глухим или открытым крыльцом, обнесенные палисадником. Крыша таких зданий часто двускатная, но с усеченным залобком, чего не встречается в жилых домах.

Из старых деревенских построек особенно интересны общественные амбары, так называемые «мангазеи» (рис. 10), сохранившиеся в ряде сел с 80-х гг. прошлого столетия.

Постройки в общем очень единообразны на всей территории от верховьев до низовьев Ангары. Это тем более удивительно, что, хотя строили их и местные плотники-сибиряки, и сами крестьяне, но особенно много плотников было из новоселов и ссыльных «российских» — пермских, вятских и других.

Облик старого русского сибирского зодчества лучше сохранился в северной части обследованной нами территории. Это связевые дома, отличающиеся предельной строгостью своей архитектуры, скупо украшенные резьбой на повалах (см. рис. 4, 5, 6), иногда скульптурой в виде конька или птицы на охлупне; наличники с одностворчатыми ставнями даны в прямолинейной трактовке. Другой, более новый, тип архитектуры ярко выражен в верхнем Приангарье, особенно в селениях, расположенных ближе к Иркутску, а также по Московскому тракту. Это — двухкамерное жилище (иногда пятистенок), рубленное обязательно в лапу, с нарядными наличниками с двухстворчатыми ставнями. В декоре наличников наблюдается своеобразная переработка элементов барокко и классики; встречается и резьба-пропиловка. Этот тип архитектуры тесно связан с деревенским зодчеством сибирских городов XIX в., в частности Иркутска.

Современное жилое строительство деревни основано на местных традициях. Типовой дом, принятый в этих местах, — двухкамерный: сруб, разделенный на несколько помещений-комнат, и сени с отгороженным чуланом. Наличники и ставни — неотъемлемая часть нового дома; они имеют не только декоративное, но в условиях восточно-сибирского климата и большое практическое значение (см. рис. 11).

При этнографическом обследовании мы уделили значительное время изучению народной одежды.

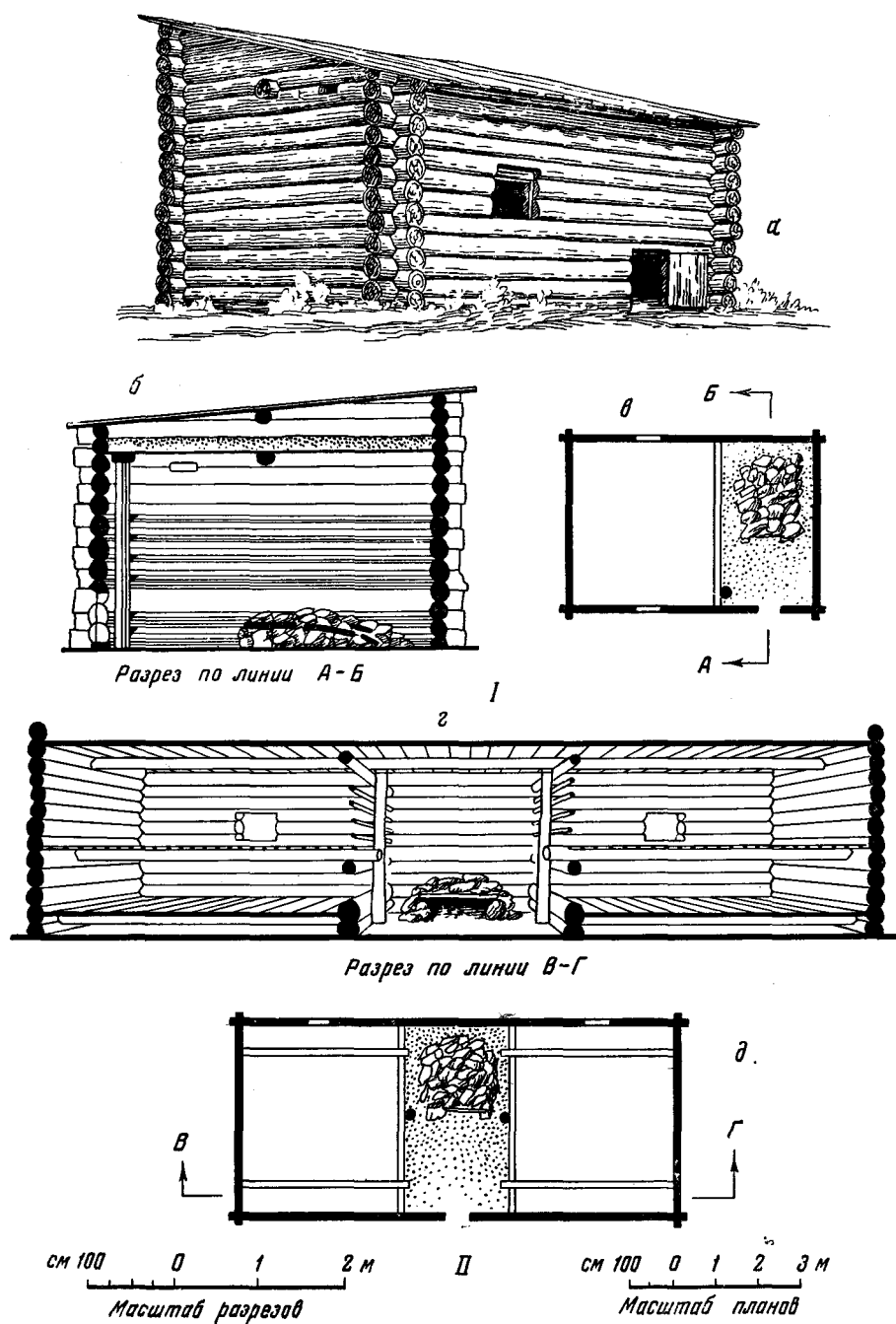

Рис. 9. Риги Братского района: I — односадная рига, д. Наратаи: а — общий вид, б — разрез, в — план; II — двухсадная рига, д. Романово: г — разрез, д — план

Рис. В. Г. Демьянова

Одежда старожильческого населения уже в XIX в. подверглась нивелировке. Мы тщательно собирали сведения о бытовавшем ранее традиционном костюме, который в силу его своеобразия, трудно отнести к комплексу северо- или средневеликорусскому.

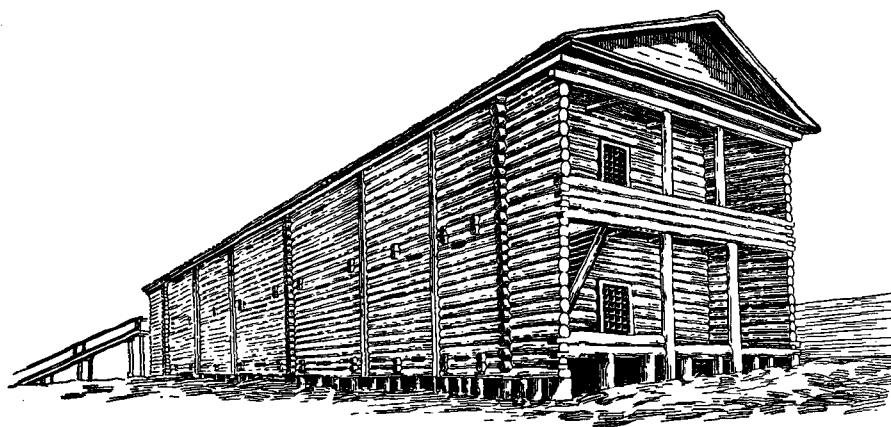

Рис. 10. «Мангазей» — общественный амбар, построенный во второй половине XIX в., с. Новая Уда Усть-Удинского района

Рис. Н. И. Жемчужниковой

Несомненно наличие северновеликорусских черт в своеобразном комплексе женской одежды: это рубаха с прямыми полками, по покрою и терминологии частей северновеликорусского типа; сарафан (однако очень поздней формы — с лифом; нигде не уда-

Рис. 11. Дом колхозницы, построенный в 1952 г., с. Олонки Кировского района Иркутской области

лось зафиксировать более древнего покроя); «телегрея» на лямках (обычно входившая у русских Европейского Севера в комплекс с сарафаном). В применении к повойнику употреблялся иногда термин «кокошник». Наряду с сарафаном носили юбки-«сукманки» из красного сукна.

На всей обследованной территории были широко известны женские украшения — «пушки», характерные для южновеликорусок. Однако то обстоятельство, что в обследованных старожильческих селениях не обнаруживается значительных групп южновеликорусских выходцев, а также своеобразный способ изготовления пушковых не позволяет говорить об их южновеликорусском происхождении. Их изготовляли в Приангарье совершенно так же, как это описал Г. Н. Потанин для Вологодской и прилегающих северных уездов Костромской губернии, т. е. из жировых желез, вырезанных из хвоста утки³.

Повсеместно в Приангарье бытует шушун, не похожий на обычную южно- или северновеликорусскую одежду того же наименования, а в виде кофты из покупной ткани, подобной той, какая под тем же названием «шушун» бытовала в левобережных областях Украины.

Украинские или белорусские элементы особенно заметны в старинной мужской одежде. На большей части обследованной территории бытовала мужская рубаша с прямыми полками и отложным воротником украинско-белорусского типа. В селениях ближе к Братску в прошлом носили «гачи» или шаровары украинского покроя. Наряду с рубашкой с полками бытовала и русская туникообразная рубаша с прямым разрезом ворота. Косоворотка везде появилась только с начала XX в. Необходимо отметить, что в быту сибирских крестьян использовалась иногда арестантская одежда, которой снабжались за казенный счет все ссыльные, отбывшие тюремное наказание. Они стремились эту одежду продать или обменять в селениях.

Очень своеобразна сибирская верхняя одежда из домотканного сукна, старинного халатообразного покроя, без застежки, с запахом на левую сторону. Такого же покроя шили шубы и полушубки из овчин. Верхняя одежда в талию, со сборами, характерная для центральных областей России, здесь не получила значительного распространения и бытовала лишь у зажиточной верхушки деревни. Среди названий халатообразной одежды есть общерусские (зипун, шуба, балахон), либо характерные для Урало-Поволжья (азям, шабур, шоденик) и чисто сибирские (лабошак, курма). Сохранился здесь и старинный термин «однорядка», часто встречающийся в документах XVII в., согласно которым это — преимущественно одежда служилых и посадских людей, но частично и крестьян.

Мужской бешмет — «татарка» и «татарская» круглая шапка были модными в конце XIX — начале XX в., по-видимому, под татарским влиянием.

Для сибиряков до настоящего времени типична доха из косульих, а еще чаще — из собачьих шкур; на промыслах старожилы носят «промышлѣнку» (более легкую косулю доху). Обувь также нередко шьют из меха; это унты из шкуры косули или камасов лося, «качутки» — меховые короткие чулки, надеваемые мехом внутрь, и др. Прежде охотники носили также меховые или лосиные (из кожи сохатого) штаны.

Новоселы вскоре переставали носить свои плахты, свитки, лапти, заменяли их местной одеждой из покупных тканей, сибирскими броднями, шили доху. Однако некоторые различия между новоселами и старожилами, особенно в расцветке тканей, сохранялись дольше. В некоторых селениях старожилы под влиянием новоселов стали украшать вышивкой крестом рубахи и передники.

Сотрудники экспедиции изучали также пищу и утварь населения Приангарья. Пища сибиряков очень своеобразна — в связи с особенностями природы и хозяйства и в результате смешения различных этнических традиций.

Мясо занимало и занимает в пищевом рационе сибиряка большее место, чем в питании крестьян центральных областей, а картофель значительно меньше, чем в Европейской части России. Большое значение имеет рыба. Пшеничный хлеб в настоящее время повсюду вытеснил ржаной. Из дикорастущих употребляют черемшу (дикий лук), черемуху, кедровые орехи, «серу» (лиственничную смолу) — для жевания.

Характерные для северновеликорусов и жителей Урала блюда являются излюбленными и у сибиряков. Северновеликорусские черты особенно заметны в пище населения северной части обследованной территории. Здесь широко используется в пище ячмень: пекут «ярушники» — хлеб из ячменной муки, делают щи с ячменной крупой и т. д. Вошли в быт некоторые украинские кушанья или их украинские названия.

Многие из способов приготовления пищи и напитков — общие для русского населения Сибири и бурят. По всему верхнему Приангарью и в селениях по Московскому тракту распространено название «тарасун» для опьяняющего напитка, который готовили из хлеба, а в некоторых местах (в Балаганском районе) — из молока, как это делали буряты.

Очень своеобразным и старым обычаем у сибиряков является заготовка впрок дичи и губ лося или коровы в сушено-вяленом виде — для холодца и других блюд свадебного стола. Заготовка этих продуктов начиналась в семье за много лет до будущей свадьбы, когда «жениху» исполнялось еще только 5—6 лет; сушеную губу сохатого и прочее подвешивали на чердаке, где они хранились иногда в течение 10—12 лет.

Сотрудники экспедиции частично изучали семейный быт, а также духовную культуру: фольклор, цикл календарных обрядов, свадебные обычаи.

³ Гр. Потанин, Никольский уезд и его жители, «Древняя и новая Россия», т. III, М., 1876, стр. 138.

По рассказам старожилов, в конце XIX, а местами до начала XX в. еще существовали большие неразделенные семьи, нередко насчитывавшие в своем составе до 24 человек. Главой («главным») был отец, хозяин. Он распоряжался доходами семьи, назначал ее членов на работу, имел право наказывать взрослых сыновей и невесток. Однако такие семьи в ряде мест, особенно в верхнем Приангарье, были редкостью; большей частью женатые сыновья отделялись от семьи. Очень ценилась «воистая» семья, т. е. такая, где было много работоспособных членов. Судя по материалам, собранным сотрудником экспедиции В. А. Гореловым, занимавшимся изучением семьи и семейного быта, в конце XIX в. существовали «договорные» семьи, когда две малые семьи объединялись в одно хозяйство, заключая между собой договор. Это вызывалось, по-видимому, тем, что малые семьи испытывали большие затруднения в периоды полевых работ, так как женщинам не на кого было оставить детей. Иногда на время страды нанимали в качестве няньки («пострадки») чужих детей постарше (как девочек, так и мальчиков), если не было своих подростков.

Браки нередко заключались между молодежью разных селений, так как в небольших деревнях зачастую все жители находились в родстве или свойстве.

Отмечаемый в литературе для некоторых мест Сибири обычай платы за невесту (калым) существовал повсеместно по Илимю, но не известен в селениях по Ангаре. В Приангарье существовал другой обычай: родителям невесты давали так называемые «запросы» — деньги на устройство свадьбы.

О. В. Пчелиной сделано около 20 записей свадебного обряда в различных селениях и записаны мелодии некоторых свадебных песен. Основные этапы свадебного действия — «просватанье», «смотренье», «зарученье», «девишник» и собственно «свадьба», справлявшаяся в доме жениха. Повсеместно отмечался обычай проводов невесты в баню, выкуп женихом косы невесты у ее брата. Из собранных нами материалов видна значительная роль дружки в охранительных обрядах на сибирской свадьбе. Отмечено узаконение обычая, по которому невеста имела возможность отказаться в церкви от нелюбимого жениха. Часты были свадьбы «убегом».

Своеобразие обрядов русской свадьбы в Сибири сказалось и в убранстве невесты (головной «ленточный убор») и свадебного стола (пельмени, упоминавшийся выше холодец из губы лося и пр.).

Изучение обрядов и обычаев дало много для этнографической характеристики населения. Прослеживается развитой в прошлом цикл троицкой обрядности (особенно по правобережью Ангары) — березку одевали в женское платье, носили ее с песнями, а затем бросали в реку. Повсеместно был распространен обычай «гарканья коляды» в форме северного «виноградья». В старинных масляничных обычаях много своеобразного. Для проводов «масленки» были характерны катанье с гор на пряхках, чтобы куделя лучше уродилась, выезд на санях по деревне с имитацией различных хозяйственных работ, особенно — связанных с обработкой конопли и с прядением (Бада Тангуйского района, Нижнее Суворово, Громы, Шаманово Братского района). Выезжали также с сохой и имитировали пахоту и сев (Громы Братского района). В этих обрядах ярко выражено их земледельческое содержание, тогда как масляничные обычаи в центральных областях уже в XIX в. имели в основном развлекательный характер.

Собранные обоими отрядами материалы — полевые записи, рисунки, чертежи, фотоснимки, требующие, конечно, дальнейшей камеральной и научной обработки, позволяют уже и сейчас в известной мере установить, как сложилась культура русского населения Приангарья. Основное ядро ее — культура, принесенная в Сибирь русским старожильским населением, среди которого преобладали выходцы с Европейского Севера и Урало-Поволжья; отмечают и некоторые украинско-белорусские черты. Выявление украинских черт — не поздних, принесенных новоселами и очень четко выделяющихся, а более старых — позволяет ставить вопрос о наличии ранних украинско-белорусских выходцев, вероятно в составе служилых людей.

Постоянное просачивание пришлых элементов в семьи старожилов не имело существенного значения для изменения быта всего населения: это были одиночки, которые в значительной мере сами воспринимали быт семей, в которые они вступали; но все же вместе с ними появлялись в крестьянском хозяйстве новые навыки, сельскохозяйственные орудия и различные предметы обихода. Это заставило нас при изучении быта подходить дифференцированно к изучению каждой семьи и выяснять ее генеалогию. Компактные группы переселенцев в известной мере придерживались своих традиционных навыков, сохраняя их в новых, сибирских условиях. Так, например, Н. И. Лебедевой зафиксированы в с. Илдр три типа пахотных орудий: соха-двойчатка у старожилов, коловая соха у псковских переселенцев и дышловая сошка у литовцев (у двух последних групп эти орудия еще сохранились и поныне для окучивания картофеля на приусадебном участке). Очень хорошо прослеживаются по данным материальной культуры связи русского населения с соседними народами; не менее отчетливо устанавливается наличие в прошлом отдельных этнических групп, частично вошедших в состав русских.

Много черт, общих с культурой бурят, имеется у русских, особенно в некоторых способах ведения скотоводства, в скотоводческом инвентаре (седла, ножницы для стрижки овец — употребляют русские и бурятские ножницы), в способах обработки кожи (русскими, как и бурятами, используется вертящаяся кожомьялка), в изготовлении молочной посуды (бондарные сосуды, называемые у русских «кринки»), в пище и ее названиях (тарасун, тарак — простокваша, саламат и другие). Отмечается также наличие

навыков, общих у русских и у эвенков, в некоторых способах охоты и рыболовства, в охотничьем снаряжении, деталях одежды (нагрудник-телегрея, «боа» из беличьих хвостов и т. д.), в простейших постройках (конические шалаши), в следах медвежьего культа в таежных деревнях (Дальняя Муя Усть-Удинского района, Бада Тангуйского района).

Буряты и эвенки в свою очередь многое заимствовали у русских в области земледелия, животноводства, строительной техники и т. д. Но этот вопрос требует еще специального изучения и не может быть освещен в настоящем кратком сообщении.

Материалы, собранные обоими этнографическими отрядами, позволили выявить специфику культуры и быта сибиряков Приангарья. При некоторых различиях в культуре отдельных районов в ней наблюдается и большое единообразие. Основные исходные формы и направление дальнейшего развития народной культуры в обоих изучавшихся районах одни и те же. В верхнем Приангарье, а также в селениях по Московскому тракту в культуре русских наиболее выражена связь с соседними бурятами (как в прошлом, так и теперь). На хозяйство оказали большое воздействие раннее развитие торгово-денежных отношений, близость и влияние города, что отразилось и на быте населения.

В среднем Приангарье, в бассейне Оки и Ии больше сохранились старые черты быта (в постройках, одежде и т. д.); в этих районах более развиты охота и рыболовство, по воспоминаниям местного населения и по этнографическим данным устанавливается существование здесь в прошлом некоторых групп эвенков и бурят, ныне полностью смешавшихся с русскими.

Г. С. Маслова, Л. М. Сабурова

СОВЕЩАНИЕ ПО СОБИРАНИЮ, ИЗУЧЕНИЮ И ИЗДАНИЮ ФОЛЬКЛОРА СЕВЕРА ЕВРОПЕЙСКОЙ ЧАСТИ СОВЕТСКОГО СОЮЗА

7—9 октября 1957 г. в гор. Петрозаводске состоялось совещание фольклористов северных областей и республик Европейской части СССР, организованное Институтом языка, литературы и истории Карельского филиала АН СССР совместно с Институтом русской литературы АН СССР (Пушкинский дом). На совещании встретились собиратели и исследователи народного творчества Удмуртской, Мордовской и Коми автономных республик, Эстонской ССР; Архангельской, Вологодской и Кировской областей РСФСР; научные работники центральных институтов Академии наук СССР, работники кафедры народного творчества Московского университета, представители Союза советских композиторов, сотрудники Всесоюзного Дома народного творчества им. Н. К. Крупской, научные работники и представители общественности Карелии.

Открывая совещание, директор Института языка, литературы и истории Карельского филиала АН СССР В. И. Машезерский отметил успехи, достигнутые фольклористами Севера в собирании и изучении произведений народного творчества, подчеркивая в то же время, что недостатки в работе вызваны в первую очередь разобщенностью научных работников разных областей и республик и отсутствием координации между отдельными научными учреждениями, изучающими народное творчество.

А. М. Астахова (Институт русской литературы АН СССР) во вступительном слове отметила выдающуюся роль и значение фольклора Севера и его изучения для решения общих проблем фольклористики: генезиса, развития и судеб фольклора, отношения его к действительности, соотношения в нем традиционного и индивидуального. Однако, отметила А. М. Астахова, собирание и изучение народного творчества до сих пор не было равномерным. Многие географические районы, а также отдельные жанры фольклора оставались вне поля зрения исследователей; совещание должно наметить очередность обследования этих «белых пятен». Далее А. М. Астахова обратила внимание присутствующих на необходимость разработки новых проблем, возникших в связи с развитием социалистической культуры: роли художественной самодеятельности, взаимоотношения традиционного и нового в ней, взаимовлияния фольклора разных народностей, населяющих Север, и др.

С обстоятельным докладом «Итоги и задачи изучения фольклора русского Севера» выступил К. В. Чистов (Карельский филиал АН СССР), отметивший большую роль решений XX съезда КПСС в развитии фольклористики. Наиболее значительным достижением советской фольклористики последних лет, сказал докладчик, является решительный поворот к историческому изучению народно-поэтического творчества.

Перед советскими фольклористами, работающими на русском Севере, стоит задача углубленного изучения севернорусского фольклора в связи с конкретными формами мировоззрения и быта, специфическими судьбами и социальными условиями жизни крестьян северных областей, а также изучение взаимосвязи и взаимовлияния фольклора севернорусского и соседних финно-угорских народностей. Далее докладчик остановился на вопросах собирания, изучения и издания произведений советского фольклора; перед фольклористами стоит задача преодоления прошлых ошибок — следствия недооценки роли народных масс в истории. Необходимо восстановить систематическое собирание